ГАДЫ

18+

Денис Пожидаев

Денис Пожидаев

Гады

«Автор»
2026

Пожидаев Д.

Гады / Д. Пожидаев — «Автор», 2026

1988 год. Семья Соколовых временно переезжает в старое ведомственное общежитие, где за общей кухней, тонкими стенами и соседскими привычками почти не остаётся личного пространства. Одиннадцатилетний Максим привозит с собой трёх необычных питомцев — и этого оказывается достаточно, чтобы привычный коммунальный мир начал трещать по швам. «Гады» — психологический хоррор о страхе, жестокости, границах справедливости и о том, как легко человек перестаёт видеть в другом живое существо.

© Пожидаев Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
Часть первая. Два года 6
Часть вторая. Гады 12
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Денис Пожидаев
Гады

Пролог

В начале седьмого за окном была ещё ночь — декабрьская, чёрная, без снега. Тамара проснулась раньше, чем заплакал сын. Так бывало уже третий месяц: будто внутри у неё завели будильник, который звенел за полминуты до его писка. Она нашарила тапки, сунула ноги в холодное и пошла на кухню с бутылочкой.

На кухне третьего этажа горела одна лампочка — та, что над раковиной. Остальные две давно перегорели, и комендантша обещала заменить их ещё с осени. Тамара открыла кран. Вода сначала пошла ржавая, потом светлая. Она наполнила ковшик, поставила на плиту, повернула ручку. Ручка щёлкнула. Тамара чиркнула спичкой.

Газ зашипел и вспыхнул синим кольцом.

Трубы в общежитии никогда не молчали. Они постукивали, вздыхали, иногда в них начинало что-то бежать сверху вниз, будто весь дом разом шёл в уборную. К этому привыкаешь за неделю. Тамара привыкла за три дня.

Но сейчас было тихо.

Она стояла над ковшиком и слушала эту тишину. Вода в стояке не бежала. Батарея под окном не щёлкала. Не скрипел пол наверху, на четвёртом, где всегда кто-нибудь ходил — там жили с детьми, там ночью вечно шаркали, кашляли, ругались шёпотом.

Ничего.

Тамара подняла глаза на потолок. Серый, в жёлтых разводах, с трещиной от лампы к углу. Обычный потолок.

Ей почему-то показалось, что наверху кто-то есть — прямо над ней. Не ходит, не дышит громко. Просто сидит там и слушает, как она греет молоко.

Вода в ковшике тихо заворчала.

Тамара выключила газ, сунула бутылочку в тёплое, подержала, проверила на запястье. Пошла обратно, стараясь не шлёпать тапками. У двери обернулась.

Над раковиной горела лампочка. Капнул кран.

Наверху так ничего и не скрипнуло.

Часть первая. Два года

Предложение Виктору Соколову сделали в кабинете, где пахло лаком для пола и мокрыми зонтами, хотя дождя не было уже неделю.

Председатель жилищной комиссии Борис Аркадьевич разложил перед ним бумаги. Одна скользнула за край стола; он придержал её ладонью.

— Ты посмотри, Виктор Палыч, — сказал он. — Дом на северной стороне. Сдача — восемьдесят девятый, край — девяностый. Трёхкомнатная, улучшенная. Кухня девять метров. Девять! Ты на своей кухне где сидишь?

— На табуретке, — сказал Виктор.

— Вот. А там будешь сидеть на стуле.

Виктор улыбнулся, но бумаги трогать не стал. Он двадцать лет возился с аппаратурой и не любил соглашаться, не разобравшись.

Суть была простая. Их однокомнатную ведомственную квартиру, где вчетвером приходилось жить на восемнадцати метрах, Соколовы возвращают заводу. Заводу эта квартира нужна сейчас — под молодого специалиста, которого сманили из Ленинграда. За это Виктора ставят в первую очередь на новый дом. А на переходное время семье дают изолированную комнату в семейном общежитии на Кирова. Не койку, не угол — комнату.

— Года два, — сказал Борис Аркадьевич. — Ну, может, чуть больше. Профком в курсе, директор в курсе, я тебе при всех говорю.

— А если чуть больше — это сколько?

— Виктор Палыч. Ты меня сколько лет знаешь?

Виктор знал его одиннадцать лет. Столько же, сколько было Максиму. Борис Аркадьевич выбил ему когда-то эту однокомнатную, когда Ирина ходила беременная и они снимали угол у старухи в Горячеводске.

— Общежитие, — сказал Виктор. — Там же…

— Там люди живут. Наши, заводские. Не общага пэтэушная — семейная. Кухня общая, это да. Зато два года — и ты человек.

Виктор вышел на улицу, закурил и долго смотрел на Машук. Гора стояла над городом тяжёлая, как спящее животное, и телевышка на ней торчала иголкой.

Два года. Максиму будет тринадцать. Лене девять. У Лены будет своя комната. У Максима — своя, и он наконец перестанет спать на раскладушке между стеллажом и шкафом.

Вечером он сказал Ирине:

— Два года потерпим. Зато потом будем жить как люди.

Он сам потом не мог вспомнить, откуда взялась эта фраза. Сказал — и уже не захотел брать её обратно.

* * *

Максим узнал о переезде на кухне, за ужином, и первое, что он спросил, было не «куда» и не «когда».

— А их можно взять?

Отец поставил кружку. Мама посмотрела на отца. Лена, которая до этого строила из хлеба домик, замерла с крышей в руке.

— Возьмём, — сказал отец.

— Всех?

— Всех.

— А если там нельзя?

— Максим. Они у тебя в комнате будут стоять, не в коридоре. В своей комнате человек может держать что хочет.

— Кроме свиньи, — сказала мама.

— Кроме свиньи, — согласился отец. — Свинью нельзя.

Лена захихикала и уронила крышу в суп.

Максим не засмеялся. Он смотрел на отца, пытаясь понять, говорит тот всерьёз или просто так, чтобы закончить разговор. У взрослых бывало такое «возьмём», которое потом оказывалось «ну ты же понимаешь».

— Пап, а стеллаж?

— Стеллаж разберём и соберём. Я его сам делал, соберу.

Это была правда. Два года назад, когда у Максима появился Мизгирь, отец сначала ругался, потом неделю ходил вокруг банки, в которой сидел паук, и наконец сказал: «Так нельзя. Если уж держишь, держи по-человечески». Он принёс с завода стекло, силикон, куски оргстекла и сделал три настоящих террариума с крышками на петлях. На каждую крышку поставил латунную защёлку, тугую, с щелчком. Защёлки он выточил сам, в обед, на участке.

— Чтоб никакая тварь не открыла, — сказал он тогда. — Ни изнутри, ни снаружи.

Мама сказала, что он сошёл с ума. Отец сказал, что если в доме будет паук, то пусть лучше будет паук в нормальном стекле, чем паук под диваном.

Максим до сих пор помнил, как отец, закончив третью крышку, щёлкнул защёлкой, послушал и кивнул сам себе.

— А там душ есть? — спросила Лена.

— Есть.

— А ванна?

— Ванны нет.

Лена подумала.

— А Глашу где купать?

Глаша ещё не называлась Глашей. Лена дала ей имя позже, в первый вечер на новом месте. Но теперь, вспоминая тот ужин, Максим всегда слышал, что Лена сказала именно так.

*** * ***

Общежитие стояло торцом к улице: пять этажей серого кирпича, балконов нет, над входом — козырёк с отбитым краем. Во дворе — две лавки, сушилка для белья и тополь, у которого кто-то ободрал кору по кругу на уровне пояса.

Грузовик от завода подогнали в последнюю субботу августа. Отец с шофёром носили мебель, мама носила узлы, Лена носила свою подушку и отказывалась отдавать её кому-либо. Максим носил террариумы. Сам. По одному. Каждый — обёрнутый в старое одеяло, прижатый к груди, как торт.

— Малой, давай подсоблю, — сказал на лестнице какой-то мужик в майке.

— Не надо, — сказал Максим. — Спасибо.

Мужик посмотрел на свёрток, пожал плечами и пошёл вниз, звякая авоськой с пустыми бутылками.

Четвёртый этаж. Длинный коридор, крашенный до половины зелёным, выше — побелка. Линолеум в коридоре был вытерт до серой основы посередине, как тропинка. Двери блоков — четыре, с номерами, написанными краской от руки: 41, 42, 43, 44.

Им достался сорок третий.

За дверью блока пахло сразу всем. Жареным луком, хлоркой, варёной капустой, табаком, мокрым бельём, чем-то сладковатым и затхлым, что шло из угла, где стояли вёдра. Сразу налево — дверь туалета с нарисованным мелом человечком. За ней — душевая: кафельная, в рыжих потёках, с деревянной решёткой на полу и трапом посередине. Максим заглянул туда и сразу почувствовал сырость: лицо стало влажным, будто он сунул его в погреб.

Дальше коридорчик выводил в кухню.

Кухня была большая, больше их старой квартиры. Три газовые плиты вдоль стены, эмаль на них пожелтела и была прожжена у конфорок. Над плитами — стена, покрытая чем-то липким и тёмным, до самого потолка. Две раковины. Пять столов, у каждого — своя клеёнка: одна в красную клетку, одна с вишнями, одна белая в дырках от сигарет, одна зелёная, а пятый стол был голый, серый, со следами от кружек.

— Это наш, — сказала мама и положила сумку на голый стол.

Вокруг кухни — пять дверей. Пять комнат. Их — крайняя, у окна.

Комендантша, Зоя Фёдоровна, большая, в синем халате и с ключами на резинке, открыла им дверь и сказала:

— Живите. Батареи с пятнадцатого октября. Душ по графику, график на стене. Газ за собой выключать. Тараканов не разводить.

— А они уже есть, — сказала Лена и показала пальцем.

По стене над раковиной неторопливо бежал рыжий таракан. Усы у него были длиннее туловища.

— Это не разводить, — сказала Зоя Фёдоровна. — Это они сами.

Комната была метров двенадцать. Окно выходило во двор, на тополь. Обои — серые с золотыми лилиями, у пола отстали. На подоконнике кто-то оставил пустую банку из-под майонеза с окурками.

Отец собрал стеллаж к вечеру, у дальней стены, подальше от окна, чтобы солнце не жарило. Максим поставил террариумы. Слева — Мизгирь. Посередине — Стрелка. Справа — будущая Глаша.

Он проверил все три защёлки. Каждая щёлкнула.

Потом он сел на пол и долго смотрел, как Мизгирь, выбравшись из норы в углу, медленно обходит стекло по кругу. Паук ставил лапы осторожно, будто пробовал, крепкий ли под ним пол. На новом месте он всегда так делал. Проверял.

— Ну? — сказал отец из дверей. — Живём?

— Живём, — сказал Максим.

*** * ***

Ирина начала готовить первый ужин в семь, и к половине восьмого знала о соседях больше, чем о некоторых своих подругах.

Первой вышла женщина из комнаты напротив — высокая, с короткой стрижкой и в переднике, отглаженном так, что на нём были стрелки.

— Крылова Галина, — сказала она. — Вы на средней не варите, там кран подтекает, запах идёт. Вот эта ваша будет, крайняя, правая две конфорки. Мы так поделили, пока пустая стояла. Если не против.

— Не против, — сказала Ирина.

— Там на стене график. Дежурство по кухне — неделя. Пол, раковины, плиты. Мусор выносим по очереди. Я вас вписала со следующего понедельника, чтоб осмотрелись.

— Спасибо.

— Да не за что. Порядок должен быть, иначе тут через месяц джунгли.

Она говорила чётко, как по бумаге, но у плиты вдруг повернулась к Ирине и сказала другим голосом:

— Вы, если соли не будет или спичек — стучите. Не стесняйтесь. Мы все тут так.

Потом из дальней комнаты выкатился мальчик лет пяти в колготках и майке, пробежал через кухню, как паровоз, и врезался Ирине в ноги.

— Юрка! — За ним вышла молодая женщина с тетрадками под мышкой. — Юра, ну что ты. Извините, пожалуйста. Лаптева, Нина. Он у нас как заведённый.

Юрка стоял, задрав голову, и смотрел на Ирину. Она придержала его за плечо, чтобы он снова не налетел на плиту.

— А у вас мальчик есть? — спросил он.

— Есть. Большой.

— Большой — это сколько?

— Одиннадцать.

Юрка подумал и сказал с уважением:

— У-у.

Нина засмеялась, извинилась ещё раз, сказала, что проверяет тетради первоклашек и что ей срочно нужен чай, иначе она кого-нибудь убьёт. Потом покраснела, будто сказала что-то лишнее при чужом человеке.

Около восьми в кухню вошли двое мужчин. Один — плотный, со щетиной на щеках, в спецовочной рубашке. Второй — худой, в клетчатой, с газетой. Плотный кивнул Ирине и сразу стал говорить худому что-то про наряды и про то, что у мастера на участке мозги, как у курицы. Потом спохватился:

— Орлов Николай. Это я про другого мастера. Сам я тоже мастер.

— Он мастер ругаться, — сказал худой. — Крылов. Сергей.

Николай хмыкнул, забрал у Сергея газету и ушёл курить к форточке.

Его жена, Людмила, вышла позже — полная, с добрым растерянным лицом и руками, от которых пахло селёдкой. Работала она в гастрономе на углу и сразу сказала Ирине, что если нужна будет колбаса, то пусть обращается, только тихо.

Пятой дверью долго никто не хлопал. Потом она открылась, и оттуда вышла женщина — худая, с тусклыми волосами, собранными в хвост, в халате поверх свитера. Она кивнула, быстро набрала в чайник воды и так же быстро ушла, не сказав ни слова. Только в дверях обернулась:

— Белова. Валентина. Вы… здравствуйте.

За ней из комнаты выглянула девочка лет восьми, в белых гольфах, с таким же тусклым хвостиком. Увидела Лену, которая сидела на табурете у их стола, и тихо сказала:

— Привет.

— Привет, — сказала Лена.

Через минуту они уже сидели вдвоём на одном табурете.

Хозяин пятой двери появился, когда Ирина уже снимала котлеты. Он вошёл широко, толкнув дверь плечом, пахнущий улицей и портвейном. Крупный, в расстёгнутой куртке, с мокрыми от пота волосами.

— Ё, — сказал он. — Новые!

— Соколовы, — сказала Ирина.

— Белов Геннадий. Гена. Хозяюшка, а котлетки у вас какие?

— Свиные.

— Свиные, — повторил он с нежностью. — Ну, живите. Живите, соседи. Если кто обидит — ко мне.

Он хлопнул ладонью по её столу, так что подпрыгнула крышка на сковородке, и ушёл в свою комнату. Через минуту оттуда донёсся его голос — громкий, спокойный, просто громкий. Потом тише. Потом заработал телевизор.

Галина у плиты чуть заметно поджала губы. Ирина решила, что ничего не видела.

Ирине понравились соседи. Галина дала ей спички, Нина подвинула чайник, Людмила спросила, нужна ли завтра колбаса. Она принесла сковородку в комнату и сказала Виктору: «Ничего, проживём».

*** * ***

Лена сидела на полу, поджав ноги, и держала в кулаке спичечный коробок, внутри которого что-то шуршало.

— Не раздави, — сказал Максим.

— Я не давлю. Я держу.

В коробке сидели три таракана. Максим поймал их на кухне, пока все ужинали, — ловил ловко, двумя пальцами, одним быстрым движением, как ловят муху. Лена смотрела и визжала шёпотом.

— Она же их не будет, — сказала Лена. — Они противные.

— Для тебя противные. Для неё — котлеты.

Максим открыл защёлку правого террариума. Щёлк. Крышка поднялась.

Жаба сидела в углу, у плошки с водой, толстая, серо-коричневая, вся в пупырышках. Передние лапы она поджала под себя. Золотые глаза с чёрной горизонтальной щелью смотрели в стену.

Максим вытряхнул одного таракана на мох. Таракан побежал.

Жаба не шевельнулась. Лена наклонилась ближе.

— Она не видит.

— Видит. Ждёт.

Таракан добежал до середины и остановился, шевеля усами. Жаба едва повернула голову. Лена моргнула — и таракана не стало. Жаба сглотнула, закрыв глаза. Глаза у неё при этом втянулись внутрь головы.

— Ой, — сказала Лена. — Она глаза проглотила!

— Она ими глотать помогает. Давит сверху.

— Правда?

— Правда.

Лена засмеялась так, что пришлось зажимать рот. За стенкой, у Крыловых, кто-то постучал.

— Она на Глашу похожа, — сказала Лена шёпотом. — У нас в садике была нянечка тётя Глаша. Она тоже так сидела. И тоже всё ела.

— Ну, пусть будет Глаша.

— Глаша, — сказала Лена жабе. — Глаша, ты будешь у нас всех тараканов есть. Тут их много. Тут тебе столовая.

Второго таракана Глаша съела быстрее. Третий долго бегал у стенки, пока она не повернулась к нему и не слизнула с мха.

Потом Максим подвёл Лену к Мизгирю. Паук сидел у выхода из норы — большой, мохнатый, коричневый, с тёмным пятном на спине. Лена всегда говорила, что он красивый, и никто, кроме Максима, ей не верил.

— Смотри, — сказал Максим. — Только тихо.

Он легонько постучал ногтем по стеклу. Мизгирь не повернулся. Максим постучал по деревянному стеллажу, сбоку, еле-еле. Паук сразу приподнялся на передних лапах и развернулся в ту сторону.

— Видишь? Он глазами почти не видит. Он слушает.

— Чем?

— Ногами. У него на ногах волоски. Он чует, кто идёт, как пол дрожит. Он тебя слышит, когда ты ещё в коридоре. Я его потому и поймал. Шарик над норой качаешь — он думает, что там кто-то бегает. Он же не видит, что это шарик. Он только слышит, что наверху движется.

Лена посмотрела на свои ноги в носках. Потом на пол.

— А я могу так?

— Не можешь. Ты человек.

— Жалко, — сказала Лена.

Со Стрелкой было иначе. Лена её боялась — не визжала, не кричала, а просто отходила на шаг и брала Максима за край рубашки. Стрелка была длинная, тонкая, как карандашный росчерк, серо-оливковая с полосками вдоль спины, и двигалась так быстро, что её трудно было

проследить глазом. Максим кормил её ящерицами, которых ловил на склонах Машука и держал в отдельной банке.

— Не смотри, если не хочешь, — сказал он.

— Я смотрю.

Он опустил ящерицу пинцетом. Стрелка не бросилась сразу. Сначала она замерла, подняв голову, и так застыла, что стала похожа на сухую ветку. Потом — удар. Ящерица забилась у неё во рту.

Максим начал считать. Тихо, одними губами.

— Ты что? — прошептала Лена.

— Считаю. Она не душит. Она держит и ждёт. У неё яд слабый, только для ящериц. Ждёт, пока подействует.

Лена закрыла глаза ладонями, но пальцы раздвинула.

— …семнадцать, восемнадцать, девятнадцать.

Ящерица перестала дёргаться.

— Всегда на девятнадцати, — сказал Максим. — Ну, почти всегда. Один раз на двадцать трёх было. Ящерица большая попалась.

— Ей больно?

Максим подумал.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное. Но Стрелка же не виновата. Она так ест. Ей по-другому нельзя.

Лена смотрела в щель между пальцами. Стрелка медленно, упрямо, толчками заглатывала ящерицу, и в комнате было так тихо, что было слышно, как у Беловых за стеной бормочет телевизор, а в кухне капает кран.

— Макс, — сказала Лена. — А они тебя любят?

— Кто?

— Ну, они. Глаша. Мизгирь. Стрелка.

— Нет, — сказал Максим. — Они не умеют.

— А ты их?

Он закрыл защёлку. Щёлк.

— А я умею, — сказал он.

Ночью Лена долго не могла уснуть на новом месте и слушала общежитие. Кто-то шёл по коридору в туалет, шаркая. Кто-то кашлял. Где-то далеко, внизу, заплакал младенец, и плакал долго, пока его не успокоили. Трубы вздыхали. Лена лежала и думала, что у Мизгиря на ногах волоски и что он сейчас слышит всё это гораздо лучше, чем она.

Ей это почему-то понравилось.

Часть вторая. Гады

Галина Крылова не боялась ни крыс, ни мышей, ни пьяных, ни начальства. На ОТК её боялся весь сборочный цех: она могла завернуть партию из-за одного кривого винта и не краснела, когда на неё орали. Но когда в сентябре Таня прибежала с горящими глазами и сказала «мам, а у Соколовых змея ящерицу ест, пошли смотреть», у Галины похолодели ладони.

Она не пошла.

Вечером, когда все уснули, она сидела на кухне с чаем и вспоминала то, что не вспоминала много лет.

Станица под Георгиевском. Июль. Ей девять. Соседский Колька, рыжий, конопатый, на год старше, полез в копну за мячом. Потом вылез, сел на землю и посмотрел на свою руку с интересом, как на чужую. Рука у него была красная и толстая. Потом он заплакал. Потом его везли на телеге, потому что машины в колхозе не было, и Галина бежала за телегой до самой дороги, а его мать кричала на лошадь.

Колька выжил. Но рука у него так и осталась тонкой, как палка, и в армию его не взяли.

Гадюка была длиной с Галинин локоть. Та, что у Соколовых, — длиннее.

Утром она подкараулила Ирину у плиты.

— Ира. Можно я скажу, только вы не обижайтесь.

Ирина обернулась. У неё было усталое лицо после суток в поликлинике, и Галине на секунду стало стыдно, что она лезет. Но только на секунду.

— Дети к вам бегают. Моя, Дима орловский, Катька Белова. Лаптевский малой рвётся. Им интересно, я понимаю. Но это же змея. Это паук ядовитый. Это жаба эта…

— Жаба не опасная.

— Ира, она ядовитая. Я читала.

— Если её облизать — может быть, — сказала Ирина и тут же пожалела, потому что лицо Галины стало жёстким.

— Я серьёзно говорю. Тут дети. Маленькие. Юрке пять. Он пальцы везде суёт. Если что случится — кто отвечать будет? Вы? Вы же на работе. Ваш Виктор на смене. Ваш сын в школе. А змея тут.

Ирина поставила ложку.

— Галя. Там стекло, крышки, замки. Муж делал. Её оттуда никто не достанет. Она сама оттуда не вылезет.

— Всё когда-нибудь в первый раз.

Они помолчали. На плите у Галины закипел чайник и засвистел, тонко, противно. Галина сняла его, и свист оборвался.

— Давайте так, — сказала Ирина. — Дети к Максиму заходят только когда кто-то из взрослых дома. Я ему скажу. И крышки он не открывает при них. Кормит — сам, без зрителей.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо, Ира. Вы не думайте, я не против вашего мальчика. Он у вас хороший. Вежливый. Просто…

— Я понимаю.

Про Кольку Галина Ирине не рассказала.

Вечером Таня спросила, почему ей больше нельзя к Максиму. Галина сказала: потому что. Таня надулась и полвечера громко делала уроки, хлопая учебниками.

* * *

Дима Орлов впервые пришёл к Максиму ещё в первую неделю — постучал, спросил «а можно посмотреть», и потом стоял у стеллажа с открытым ртом минут двадцать. Он был одного роста с Максимом, но тоньше, с оттопыренными ушами и привычкой шмыгать носом, когда волновался.

— А её можно подержать? — спросил он про Глашу.

— Можно. Только потом руки помой. И в глаза не лезь.

Дима держал Глашу обеими ладонями, как держат воду, чтобы не пролить, и дышал ртом. Глаша сидела у него в руках спокойно, тяжело, как мешочек с песком, и смотрела в окно.

— Она тёплая, — сказал Дима удивлённо.

— Это ты тёплый. Она от тебя греется.

— А я думал, они холодные.

— Они такие, как вокруг. Какая погода, такие и они.

Дима подумал.

— Удобно, — сказал он.

После разговора мамы с тётей Галей Дима всё равно приходил, но только когда Ирина или Виктор были дома. Он стучал вежливо, два раза, и всегда говорил «здрасьте» в сторону комнаты, даже если там никого, кроме Максима, не было.

Андрей, его старший брат, не приходил. Андрею было тринадцать, у него пробивались усы, и ему было не до пауков.

— О, Дроздов, — сказал он Максиму в коридоре. Не зло. Скорее так, как говорят «привет» ребятам из параллельного класса. — Слышь, Дроздов. «В мире животных» уже кончилось? А правда, что твоя змея людей жрёт?

— Она ящериц ест.

— А если я тебе ящерицу принесу — покажешь?

— Не покажу.

— Жмот.

Андрей толкнул его плечом, несильно, и пошёл дальше. Максим дождался, пока тот свернёт за угол.

В школе была Таня Крылова. Она сидела на третьей парте у окна и, когда Максим проходил мимо, громко шептала подругам:

— Осторожно, Дроздов идёт. Сейчас паука из кармана достанет.

Подруги визжали. Максим проходил мимо. Один раз он остановился, достал из кармана платок и медленно стал его разворачивать. Визжали уже по-настоящему. В платке ничего не было. Даже учительница засмеялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.